

Как отмечают авторы, наиболее сложную группу с точки зрения определения их национально-культурного содержания, образует фоновая лексика. Доказано, что если сравнивать понятийно-эквивалентные слова в разных языках, то они будут отличаться друг от друга в силу того, что каждое из них сопряжено с определенной совокупностью знаний из области образования. Такими словами, к примеру, являются:

«boarding – school» и
«школа – интернат».

Оба они включают понятие: «школа, в которой учатся и живут».

Однако известно, что в нашей стране в школах-интернатах обучаются дети, родители которых по ряду причин нуждаются в материальной помощи, поэтому дети в таких школах находятся на полном государственном обеспечении.

В Англии же, напротив, плата за обучение в «boarding – school» чрезвычайно высока, так как они составляют в основном все наиболее известные привилегированные частные школы, в которых обучаются дети только очень богатых родителей. (Westminster public school, Manchester grammar school, Winchester school).

«Вся совокупность свойственных обыденному языковому сознанию сведений, относящихся к слову, называется лексическим фоном.

Понятие ф о н о в о й лексики является неразработанным. Исследование фоновых знаний имеет важное значение как для лингвострановедения (основной науки, в рамках которой это понятие изучается), так и для семиологии и лингвистики в целом. Работа в данном направлении, безусловно, внесет вклад в дальнейшую разработку проблемы «язык и культура».

Источники и литература

1. Брагина А.А. Лексика языка и культура страны в лингвострановедческом аспекте. – М.: Русский язык, 1981.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М., 1980.
3. Томахин Г.Д. Фоновые знания как основной предмет лингвострановедения // Иностраный язык в школе, 1980.
4. Oxford Advanced Lerner's dictionary of current English. A.S/ Hornby with assistance of A.P. Cowic, Windsor Y., – Oxford: Oxford University Press, 1977
5. Ахманова Ш.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1969.
6. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. – М.: Наука, 1969.

Билык М.П.

КРЫМ КАК «УТРАЧЕННЫЙ РАЙ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.А. БУНИНА

Актуальность исследования. Крым для многих писателей-эмигрантов – это не только один из прекраснейших уголков России, воспоминания о котором рождали множество удивительных произведений, не только земля, с которой связано имя великого А. Пушкина, но и место, откуда тысячи русских, «обезумевших от горя, отчаяния и потерь, смертельных опасностей и обид» [3, с. 54], навсегда покинули Родину. И, как верно замечает И. Богоявленская, «столетие не изменило феномена географии и поэтического пространства Крыма, но внесло трагические ноты невозвратности, последнего впечатления, встречи, взгляда. Россия стремительно уходила в прошлое, литература отплывала к “другим берегам”. Эмиграция навсегда соединила в поэтическом сознании образы России, Крыма, Пушкина» [1, с. 30].

И. Бунин – прозаик и поэт, первый в русской лауреат Нобелевской премии – неоднократно бывал на полуострове. Впервые приехав в Крым в 1889 году восемнадцатилетним юношей, он навсегда «влюбился» в этот край. С тех пор жизнь писателя оказалась неразрешимо связанной с югом страны, с Крымом, где он не только наслаждался красотами природы, общался с известными деятелями искусства, но и переживал моменты высочайшего духовного подъема, обретал стимулы для дальнейших творческих исканий.

Последний раз писатель увидел Крым в 1912 году, а ещё через несколько лет, в 1920 году, он навсегда покинул родину. Но образ Крыма будет являться на страницах бунинских произведений на протяжении шести десятилетий – от первых стихотворений о Крыме, датированных апрелем 1889 года, до рассказа «Алушка», созданного незадолго до смерти мастера, в 1949 году.

Хотя И. Бунин покинул родную землю на корабле, уплывающем из Одессы, именно Крым в его сознании будет ассоциироваться с «утраченным раем», одним из прекраснейших уголков родины, дорогим ещё и потому, что с ним связано имя любимого им А. Пушкина.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы осветить один из очень интересных, на наш взгляд, аспектов творчества И. Бунина – образ Крыма как «утраченного рая».

К А. Пушкину у И. Бунина было особое отношение. В статье «Думая о Пушкине», созданной в эмиграции в 1926 году, писатель отмечает: «Вся моя молодость прошла с ним. И то он рождал во мне те или иные чувства, то я неизменно сопровождал рождавшиеся во мне чувства его стихами, больше всего его. Вот я радостно просыпаюсь в морозный день, и как же мне не повторить его стихов, когда в них как раз то, что я вижу: “Мороз и солнце, день чудесный...”» [2, 6, с. 621]. И «морозный день», и «зимний вечер», и «весенние сумерки», и «чудесный майский день» пробуждали в памяти И. Бунина пушкинские строки, написан-

ные как будто о нём или для него [2, 6, с. 621–622].

В каких бы землях И. Бунин не бывал, он всегда испытывал «желание, которое страстно испытывал много, много раз в жизни, желание написать что–нибудь по–пушкински, что–нибудь прекрасное, свободное, стройное, желание, проистекавшее от любви, от чувства родства к нему, от тех светлых (пушкинских каких–то) настроений, что бог порою давал в жизни» [2, 6, с. 619–620]. И «под Неаполем, на гробнице Вергилия», и «странствуя по Сицилии», и на развалинах Помпеи, и «в псковских лесах» И. Бунина «ни днём, ни ночью» не оставляет ощущение «соприсутствия Пушкина». «Я пишу стихи с утра до ночи, – отмечает И. Бунин в статье, посвящённой А. Пушкину, – с таким чувством, точно всё написанное я смиренно слагаю к его стопам, в страхе своей недостойности и перед ним, и перед всем тем, что породило нас» [2, 6, с. 620].

В своей статье писатель, размышляя «о себе, о своём прошлом», вспоминает родину, но не просто родину как место, где он родился, он вспоминает родину, которая ассоциируется у него с «былой, пушкинской Россией» [2, 6, с. 619]. И это не случайно.

И. Богоявленская отмечает, что «пушкинское художественное наследие в это время канонизировалось, он превращался в своего рода “культурного героя”, создавались мифы о нём» [1, с. 30]. Для многих писателей–эмигрантов имя А. Пушкина было неразрывно связано с образом потерянной родины. Так, для В. Набокова образы пушкинских героев помогали в эмиграции воссоздавать в памяти картины России.

Следует отметить, что И. Бунин, приезжая в Крым, следует тропами А. Пушкина, всюду ищет его следы, ощущает его присутствие. И в этом ощущении писатель не был одинок. Так, М. Цветаева, поднимаясь «по белой дороге, пыльной, звенящей, крутой», бродя по тропинкам, по которым когда–то мог ходить великий поэт, в своих мечтах рисует встречу с А. Пушкиным.

В этих мечтах Крым идиллический, «прежний», «пушкинских милых времён», а при встрече с великим поэтом М. Цветаева могла бы самоуверенно заявить:

Пушкин! – Ты знал бы по первому слову,
Кто у тебя на пути!
И просиял бы, и под руку в гору
Не предложил мне идти... [7, с. 55].

Такая самоуверенность очень характерна для поэзии М. Цветаевой 1913 года – времени написания стихотворения «Встреча с Пушкиным». Лирическая героиня М. Цветаевой тех лет – это женщина с «гордым видом» и «бродячим нравом», с «золотом волос» и «зеленью глаз», кольцами и папиросами, носительница «страстной судьбы», которой «всё нипочём». Вот почему поэтесса ощущает себя равной А. Пушкину. Ей не требуется его помощь ни на крутой крымской тропе, ни в поэзии:

Не опираясь на смуглую руку,
Я говорила б, идя,
Как глубоко презираю науку
И отвергаю вождя... [7, с. 55].

И. Бунин, напротив, благоговееет при мысли о том, что когда–то по этим тропинкам, по которым сейчас ходит он, «вокруг утёсов Аю-Дага», мог ходить великий поэт. Он воспринимает красоты Крыма глазами А. Пушкина: «А потом первые поездки на Кавказ, в Крым, где он – или я? – “среди зелёных волн, лобзающих Тавриду”, видел Нериду на утренней заре, видел “деву на скале, в одежде белой над волнами, когда, бусуя, в бурной мгле, играло море с берегами” – и незабвенные воспоминания о том, как когда–то и мой конь бежал “в горах, дорогою прибрежной”, в тот “безмятежный” утренний час, когда “всё чувство путника манит” –

И зеленеющая влага
Пред ним и плещет и шумит
Вокруг утёсов Аю-Дага...» [2, 6, с. 622].

И. Бунин испытывает особые чувства к Гурзуфу: здесь жил А. Пушкин. В рассказе «Пингвины», созданном в то время, когда писатель жил на чужбине, мы снова наблюдаем триединство образов, о котором пишет И. Богоявленская – «Россия, Крым, Пушкин»: «Началось с того, что мне тридцать лет, – я увидел и почувствовал себя именно в этой счастливой поре; я опять был в России того времени, и сидел в вагоне, ехал почему–то в Гурзуф <...> Но ведь Пушкин давно умер, и в Гурзуфе теперь мертво, пусто...» [2, 4, с. 517]. Вспоминая Россию «того времени», писатель вспоминает себя в «счастливой поре» своего тридцатилетия. А это 1900–1901 годы – время, когда И. Бунин часто приезжает в Крым. Но Гурзуф без А. Пушкина – это мёртвый город.

О Гурзуфе писатель упоминает и в неопубликованных заметках, также созданных в эмиграции. В основу небольшого сюжета легли, без сомнения, факты из биографии И. Бунина. В заметках писатель вспоминает счастливейшее время в своей жизни, когда он приехал в Крым с молодой женой. После посещения Севастополя молодожёны провели «одну из самых нежных и страстных ночей в маленькой деревенской гостинице у Ворот» [4, с. 392].

Безымянный герой неопубликованных заметок мечтает побывать со своей возлюбленной в Гурзуфе, который представляется ему именно тем местом, где должно быть хорошо: маленьким раем для влюблённых. И снова Гурзуф ассоциируется у героя заметок с именем А. Пушкина, потому что ему хочется побывать не в современном Гурзуфе, а Гурзуфе времён А. Пушкина: «Мне особенно хочется побывать с тобой в Гурзуфе. Прежде, во времена Пушкина, говорили: Юрзуф. Был я там ещё в ранней молодости, ходил на Аю-Даг» [4, с. 392].

В рассказе «Пингвины» ещё один крымский город связан у И. Бунина с именем А. Пушкина – это Бах-

чисарай: «Я вдруг вспомнил, что очень люблю Бахчисарай, – ведь Пушкин жил и в нём когда-то <...> – и решил выйти в Бахчисарае, ехать дальше на лошадях, через горы, и так немедля и сделал» [2, 4, с. 517]. Писатель любит этот город только потому, что «Пушкин жил и в нём когда-то».

Через много лет в романе «Жизнь Арсеньева» снова зазвучат проникновенные бунинские строки–воспоминания о пушкинском Крыме: «...я же весь был в этом сказочном Крыму, в пленительных гурзуфских днях легендарного Пушкина» [2, 5, с. 167–168].

«Очарование прежнего Крыма пушкинских милых времён» [7, с. 54] ощущал и В. Набоков, который «продолжил ряд поэтических видений крымского путешествия Пушкина: “Он здесь однажды был”» [1, с. 31].

Следует отметить, что значительная часть творческого наследия И. Бунина эмиграционных лет – это воспоминания о потерянной родине, о себе там. В «Книге моей жизни» И. Бунин пишет об этом так: «Тысячи вёрст отделяют великий город, где мне суждено писать эти строки, от тех русских полей, где я родился и рос. И обычно у меня такое чувство, что поля эти где-то бесконечно далеко, а дни, которые считаются моими первыми днями, были бесконечно давно. Но стоит мне хотя немного напрячь мысль, как время и пространство начинает таять, сокращаться. И так ведь и было всегда. Не раз испытал я нечто поистине чудесное. Не раз случалось: я возвращаюсь из какого-нибудь далёкого путешествия, возвращаюсь в те степи, на те дороги, где я некогда был ребёнком, мальчиком, – и вдруг, взглянув кругом, чувствую, что долгих и многих лет, прожитых мною, как не бывало. Я чувствую, что это совсем не воспоминание прошлого: нет, просто я опять прежний, опять в том же самом отношении к этим полям и дорогам, к этому полевому воздуху, к этому тамбовскому небу, в том же самом восприятии и их и всего мира, как это было вот здесь, вот на этом просёлке в дни моего детства, отрочества... Нет слов передать всю боль и радость этих минут, всё горькое счастье, всю печаль и нежность их! В такие минуты не раз думал я: каждый цвет, каждый запах, каждый миг того, чем я жил здесь некогда, оставляли, отпечатлевали свой несказанно таинственный след» [5, с. 384–385].

Итак, где бы И. Бунин не жил в эмиграции: в «великом городе» Париже или в Грассе – в нём всегда живут воспоминания о родине, такой далёкой и такой близкой. Писатель, обращаясь к своим воспоминаниям, стирает время и пространство, ощущает себя «прежним», себя там, среди русских дорог и полей, чувствуя «всю боль и радость этих минут, всё горькое счастье, всю печаль и нежность их!». Слова И. Бунина, передающие его чувства, вызванные воспоминаниями о родине, представляют собой сочетание противоположных по значению слов: «боль и радость», «горькое счастье», «печаль и нежность». Они удивительно передают чувства счастья встречи с родиной в памяти и печаль оттого, что эта встреча невозможна в настоящем.

Память возвращает писателя к самым ярким событиям из его жизни на родине. Так, в бунинском дневнике есть запись, которую он сделал в Париже в мае 1921 года, через год после того, как покинул родину: «Страшна жизнь! Сон, дикий сон! Давно ли всё это было – сила, богатство, полнота жизни – и всё это было наше, наш дом, Россия! Полтава, городской сад. Екатеринослав, Севастополь, залив, Графская пристань, блестящие морские офицеры и матросы, длинная шлюпка в десять гребцов... Сибирь, Москва, меха, драгоценности, сибирский экспресс, монастыри, соборы, Астрахань, Баку... И всему конец! И всё это было ведь и моя жизнь! И вот ничего, и даже последних родных никогда не увидишь! А, собственно, я и не заметил как следует, как погибла моя жизнь... Впрочем, в этом-то и милость Божия...» [2, 6, с. 433–434]. В дневниковой записи среди перечисленных мест России, которые наиболее запечатлелись в памяти, И. Бунин называет Севастополь – первый город, который он увидел в Крыму и который произвёл на него неизгладимое впечатление.

Сюда он приехал, чтобы встретиться с героическим прошлым отца, участника Крымской войны. Но здесь он не увидел того, что надеялся увидеть. Через много лет И. Бунин опишет это своё первое путешествие в романе «Жизнь Арсеньева»: «Но где же было то, за чем как будто ехал я? Не оказалось в Севастополе ни разбитых пушками домов, ни тишины, ни запустения – ничего от дней отца...» [2, 5, с. 152]. Но другой Севастополь, «вновь отстроенный, белый, нарядный и жаркий, с просторными извозчичьими колясками под белыми навесами, с караимской и греческой толпой на улицах, осенённых светлой зеленью южной акации, с великолепными табачными магазинами, с памятником сутулому Нахимову на площади возле лестницы, ведущей к Графской пристани, к зелёной морской воде со стоящими на ней броненосцами» [2, 5, с. 152], восхитил И. Бунина. Свои впечатления о Севастополе встречаем в письмах писателя родным от 13 и 14–15 апреля 1889 года, в которых он с восторгом пишет об увиденном [6, с. 101–102]. В парижском архиве сохранились воспоминания писателя о Севастополе, который он посетил во время свадебного путешествия с А. Цакни: «Белый, весёлый, со светлой зеленью Севастополь. Завтрак в гостинице на мысу у моря. Бычки. Зелёнки. Сон. Выехали перед вечером, наняв до Ялты парного извозчика под белым зонтом» [5, с. 392].

В рассказе «Пыль» герой И. Бунина, как и сам писатель, ностальгически вспоминает «серо-сиреневые горы, белый город в кипарисах, нарядных людей, зелёные морские волны, длинными складками идущие на гравий, их летний атласный шум, тяжесть, блеск и кипень...» [2, 3, с. 405].

На страницах своих произведений, написанных в эмиграции И. Бунин вспоминает не только Севастополь, но и Ялту, Бахчисарай, Гурзуф, Мисхор. Эти воспоминания наполнены любовью к крымской земле.

Следует отметить, что Крым писатель воспринимал как «волшебный» и «сказочный» край ещё до эмиграции. Покидая Крым, писателю всё время хотелось скорее туда вернуться. Эти же чувства испытывают и герои его произведений.

Так, герой рассказа «В августе» тоскует об уехавшей любимой, которой он так и не успел сказать о своей любви. Но всю душу героя «тянуло к югу, за долину, в ту сторону, куда уехала она...» [2, 2, с. 216]. Действие рассказа происходит в «малорусском городе», по описанию очень похожем на Киев, где писатель

одно время жил. Герой рассказа, «спускаясь под гору на Подол», встречает извозчиков, которые «везли пассажиров с пятичасового поезда из Крыма», которые ехали «откуда-то, где должно быть хорошо». «Сквозь слёзы» он смотрит вдаль. Ему «грезились южные знойные города, синий степной вечер и образ какой-то женщины, который сливался с девушкой», которую он любил [2, 2, с. 217]. Несомненно, «южные знойные города» – это города Крыма, воспоминания о которых заставили его сердце «сжаться от каких-то мучительно-тоскливых и сладких стремлений».

Действие рассказа «Новый год» происходит «лунной зимней полночью» накануне Нового года на хуторе в Тамбовской губернии, где вынуждена была остановиться семейная пара, следовавшая «по пути в Петербург с юга». Герой рассказа, вспоминая встречу прошлого Нового года, не может вспомнить позапрошлый Новый год и задумывается над тем, что «годы сливаются в один, беспорядочный и однообразный, полный серых служебных дней, умственные и душевные способности слабеют...» [2, 2, с. 224]. Поэтому «всё более неосуществимыми кажутся надежды» и мечты о юге, о Крыме, где можно бы было «копаться с женой и детьми в виноградниках, ловить в море летом рыбу...» [2, 2, с. 224].

Мисхор представляется И. Бунину маленьким раем для влюблённых. В черновом варианте рассказа «Митина любовь» находим строки, подтверждающие, что именно в Мисхоре мечтал побывать Митя со своей возлюбленной: «...его охватывали страстные мечты о встрече с Катей в Крыму, о Мисхоре, который он хорошо представлял себе, так как в отрочестве был в Крыму два раза. Боже мой, боже мой, неужели никогда не дождётся он этого жгучего полдня, роз и лавров, моря, горящего синим пламенем между кипарисами! Неужели бог лишит его этого счастья...» [2, 4, с. 687].

Н. Яблоновская, верно, на наш взгляд, отмечает, что «жажда гармонии в отношениях мужчины и женщины, современных Адама и Евы, сочетается в представлениях Мити с мечтой о посещении Крыма как своего рода утраченного рая» [8, с. 19].

Таким образом, Крым всегда был для И. Бунина местом необыкновенным, райским, где хотелось уединиться со своей возлюбленной и самому писателю, приехавшему в свой медовый месяц именно в Крым, и героям его произведений, и куда всё время хотелось вернуться, чтобы снова и снова обретать этот рай. Не зря герой романа И. Бунина «Жизнь Арсеньева», возвращаясь по железной дороге из Крыма, глядел на «литые колёса», «тормоза и рессоры, – и видел уже только одно: то, что всё это густо покрыто белой пылью, волшебной пылью долгого пути с юга, из Крыма» [2, 5, с.167–168]. Герою И. Бунина даже дорожная пыль на «пути с юга» кажется «волшебной».

Выводы. Крым воспринимался И. Буниным как место «сказочное», куда всё время хотелось вернуться. «Сказочность» и святость полуострову в глазах писателя придавал тот факт, что здесь «бывал Пушкин», «соприсутствие» которого ощущалось везде. В «крымских» произведениях периода эмиграции у И. Бунина звучит тема «утраченного рая». В воспоминаниях о полуострове писателя охватывают двойственные чувства – радость и счастье от встречи с «краем» в мечтах и безысходная печаль от невозможности этой встречи в жестокой реальности.

Источники и литература

1. Богоявленская И. Пушкин и Крым в литературе первой волны русской эмиграции // Вопросы русской литературы. – Вып. 9. – Симферополь: Крымский архив, 2003. – С. 30–36.
2. Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. – М.: Худ. лит., 1987–1988.
3. Лавров В.В. Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции (1920–1953). – М.: Молодая гвардия, 1989. – 383 с.
4. Литературное наследство. Иван Бунин. – Т. 84. – Кн. 1. – М.: Наука, 1973. – 696 с.
5. Литературное наследство. Иван Бунин. – Т. 84. – Кн. 2. – М.: Наука, 1973. – 551 с.
6. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. – М.: Сов. писатель, 1989. – 512 с.
7. Цветаева М. Избранное. – М.: Просвещение, 1989. – 366 с.
8. Яблоновская Н.В. Бунин в Крыму // Билык М.П., Яблоновская Н.В. И.А. Бунин и Крым. – Симферополь, 2003. – С. 17–43.

Bogdanovich G.J.

LANGUAGE REPRESENTATION OF THE NATIONAL SELFISH IDENTIFICATION (SOCIOLINGUISTIC ASPECT)

Cognitive linguistic rather actively uses in the arsenal of means and receptions the term "concept". The use of this term was included into linguistic use, showing big difference in understanding that leads to various theoretical contradictions and even misunderstanding. Really, having appeared recently in language, "concept" becomes a subject of steadfast attention not only linguists, but also culturologists, psychologists, ethnographers, etc.

Clauses which have left recently, pornographies, the collective works devoted cognitive to aspects of linguistics (N.N.Boldyrev, E.S.Kubryakova, J.S.Stepanov, Z.D.Popova, I.A.Sternin, G.A.Volohina, etc.), represent concept as one of the central, key terms in the device cognitive linguistics. Interpretation of the term "concept" can be explained by history of its origin, etymology of a word. Concept is a tracing paper with Latin concept's – "idea", "concept". J.S.Stepanov gives the whole etymological chain of this word [14, p.72]. In "the Linguistic encyclopedic dictionary" the following is defined: "Concept (концепт) – the phenomenon of the same order, as a word meaning, but considered in a little bit other system of communications; value – in system of language, concept – in